

Библиотека
психоанализа

К линические лекции по Кляйн и Биону

Библиотека психоанализа

Коллектив авторов
**Клинические лекции
по Кляйн и Биону**

«Когито-Центр»

УДК 159.92
ББК 88

Коллектив авторов

Клинические лекции по Кляйн и Биону / Коллектив авторов —
«Когито-Центр», — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-342-2

Статьи ведущих кляйнианских аналитиков, представленные в данном сборнике, знакомят читателя с тем, как развиваются сегодня идеи Мелани Кляйн и Уилфреда Биона и как эти идеи воплощаются в клинической практике. Авторы статей дают возможность «присутствовать» на аналитических сессиях и наблюдать работу с пациентами – детьми и взрослыми – с различной психопатологией. Это позволяет тем, кто изучает психоанализ и стремится к освоению и совершенствованию психоаналитической техники, обучаться мастерству проникновения в бессознательный материал и способам его интерпретации. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.92

ББК 88

ISBN 978-5-89353-342-2

© Коллектив авторов
© Когито-Центр

Содержание

Коллектив авторов	5
Предисловие	6
Благодарность	7
Введение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Коллектив авторов Клинические лекции по Кляйн и Биону

© Robin Anderson, the collection as a whole; the individual author,
each chapter published by arrangement with Paterson Marsh Ltd
and The Institute of Psychoanalysis

© Когито-Центр, перевод на русский язык, 2012

* * *

Предисловие

Основой данной книги являются девять статей, первоначально прочитанных в цикле публичных лекций с целью ознакомления большой разнородной аудитории с некоторыми путями развития психоаналитической теории и практики. Можно сказать, что они были предназначены для «популяризации» психоанализа.

Популяризация бывает весьма незатруднительной. Можно преподать «восемь несложных уроков по Кляйн и Биону». Это осуществимо, если лишаящие покоя открытия преподнести как безобидно нейтральные, а глубокую и сложную идею превратить в легко понятную и доступную, значительно разбавив ее водой.

Редактор и авторы глав этого сборника поставили перед собой гораздо более трудную задачу, а именно: сделать идеи понятными и при этом полностью сохранить их смысл. Они не говорят со слушателями свысока – они пытаются сделать их участниками своего опыта. Они проявляют честность и уважение к работе Кляйн и Биона, не избегая того, что причиняет беспокойство, и не делая поверхностным или простым то, что глубоко и сложно.

Авторы всех глав приводят краткое теоретическое описание тех понятий, которые хотят представить, а затем в более развернутом виде, глубоко и подробно показывают, как они используют эти понятия в своей работе. Любая убежденность аудитории в достоверности представленных понятий возникает не под давлением доказательств, а под влиянием реальной работы, представленной психоаналитиком. Задача делать выводы предоставлена самому слушателю или читателю.

Вслед за подробным общим введением идет первая глава, в которой читатель знакомится с тем, как Кляйн использовала понятие бессознательной фантазии, занимавшее центральное место в ее работе. Затем иллюстрируются некоторые другие центральные идеи Кляйн. Шесть глав, посвященных Кляйн, в совокупности дают не только четкую картину значения и сущности этих понятий, но и того, как они обогатились и развились со времени их введения Кляйн. Например, почти во всех главах затрагиваются те или иные аспекты проективной идентификации – механизма, который Кляйн описала всего лишь в нескольких строчках своей работы «Заметки о некоторых шизоидных механизмах».

Три главы, посвященные Биону, показывают эволюционирование идей Кляйн, касающихся проективной идентификации, в его теорию взаимодействия контейнера и контейнируемого, а также его исследование всей человеческой способности мыслить с учетом различий между психотическим и непсихотическим функционированием, в значительной степени зависящим от этого взаимодействия. В каждой из этих глав представлен определенный взгляд на то, что значит жить в мире безумия. Как и в главах, посвященных Кляйн, здесь не делается попытки представить в упрощенном виде всю работу Биона; авторы приглашают нас в свои кабинеты, давая возможность взглянуть на мир пациента и на то, как благодаря догадкам Биона они понимают этот мир. У каждого автора свой индивидуальный подход, и каждый автор способствует дальнейшему развитию работы Кляйн и Биона.

Подобное отношение позволяет рассматривать книгу как продолжение серии «Мелани Кляйн сегодня» (№ 7 и 8) Новой библиотеки психоанализа, хотя первоначально главы данной книги были прочитаны как публичные лекции. Книга отражает развитие начатой Кляйн работы; некоторые авторы уже писали для серии «Мелани Кляйн сегодня», некоторые (Андерсон, Бриттон, Дэниэл, Фельдман) делают это впервые. Главы книги свидетельствуют о неизменной жизнеспособности и развитии идей Кляйн.

Ханна Сигал

Благодарность

Я благодарен Элизабет Ботт Спиллиус за все ее советы и помощь при подготовке этой книги.

Введение

Первые шесть глав данной книги посвящены Мелани Кляйн.

Основой для них, как и для глав, базирующихся на работах Уилфреда Биона, стал цикл «Дни публичных лекций», конференций, проводимых в Институте психоанализа в Лондоне. Первый «День Кляйн» был представлен лекциями Патрисии Дэниэл, Роналда Бриттона и Майкла Фельдмана; во второй день выступали Ирма Бренман Пик, Джон Стайнер и Элизабет Ботт Спиллиус. В «День Биона» были включены лекции Эдны О'Шонесси, Рут Ризенберг Малколм и Роналда Бриттона. Эти открытые лекции предназначены для того, чтобы привлечь к психоанализу внимание более широкой аудитории. В опубликованных здесь лекциях не ставились задачи дать всеобъемлющее представление о работах Кляйн и Биона, они были направлены на то, чтобы на живом клиническом материале представить некоторые из наиболее интересных и важных идей людям, мало знакомым с ними. Поэтому особое значение уделялось тому, чтобы показать, как эти идеи и теории применяются на практике работающими сегодня аналитиками. В лекциях показано, что некоторые исходные идеи Кляйн используются сегодня почти так же, как применяла их она сама, тогда как другие идеи развивались и изменялись, и это свидетельствует о том, что психоанализ, как и положено, является живой наукой и живым методом лечения. Поскольку предполагалось, что лекции будут посвящены непосредственно идеям Кляйн и Биона, большинство авторов сборника не стремились обсуждать взгляды других современных психоаналитиков.

Описание жизненного пути Мелани Кляйн можно найти у Сигал (Segal, 1979) и Гросскурта (Grosskurth, 1986), общее введение к изложению ее идей – у Сигал (Segal, 1973).

Словарь Хиншелвуда (Hinshelwood, 1989) охватывает все понятия Кляйн; он особенно полезен для понимания ее ранних идей. Спиллиус (Spillius, 1988) сделала подборку и снабдила комментариями серию статей, написанных британскими последователями Кляйн между 1950 и 1988 годами, в которых отражены некоторые изменения и преемственность в использовании ее идей. Работу Кляйн критиковали многие британские аналитики и американские эгопсихологи; Кернберг (Kernberg, 1969) резюмировал эту критику, а Йорк (Yorke, 1971) и Гринсон (Greenson, 1974) впоследствии присоединили свои критические замечания. Работа Кляйн постепенно обретает большую известность, и различные авторы, например Гринберг и Митчел (Greenberg and Mitchell, 1983), Фрош (Frosh, 1987), Хьюгес (Hughes, 1989), составили резюме и комментарии к ней.

Мелани Кляйн (урожденная Райзес) родилась в Вене в 1882 году в семье небогатого врача. Большая часть ее детства прошла в Вене; и хотя у нее были определенные культурные интересы, она никогда не встречалась там с Фрейдом, что, возможно, показывает, как невелико было психоаналитическое сообщество в начале XX века. Ей было за тридцать, когда она открыла психоанализ. Она рано вышла замуж, похоже, пожертвовав ради замужества возможностью получить университетское образование. Брак не был счастливым и не оправдал надежд, тем более что по причине места работы мужа она была вынуждена жить в очень маленьком провинциальном городке, небогатом культурными событиями, где чувствовала себя одинокой и лишенной той интеллектуальной жизни, которая была у нее в Вене. В 1910 году она уехала в Будапешт, в то время процветающий и влиятельный город в центре Австро-Венгерской империи, где имелась значительная психоаналитическая группа. Здесь она открыла для себя Фрейда: она была очарована, прочитав его статью «О сновидениях». Кляйн писала о том времени: «Это было то, к чему я стремилась, по крайней мере, в те годы, когда я так хотела найти то, что принесло бы мне интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение» (Grosskurth, 1986, p. 69). Она стала проходить анализ у Ференци отчасти из интереса, но и чувствуя потребность в помощи. Она произвела впечатление на Ференци, и он поощрял ее, особенно ее работу

с детьми, еще только зарождавшуюся в то время. В 1921 году она переехала в Берлин, где Абрахам, ее учитель и позднее аналитик, поддерживал ее. Его самого очень интересовали ранние инфантильные процессы, обнаруженные им у пациентов. Работа Кляйн с маленькими детьми подкрепляла и дополняла его идеи. Она очень нуждалась в его поддержке, поскольку ее идеи уже тогда вызывали серьезные разногласия в Берлине. После его смерти в 1925 году ее положение еще более усложнилось. Проблема отчасти была в том, что Берлинское общество смотрело на Вену как на первоисточник психоанализа и там работала с детьми Анна Фрейд, используя абсолютно другой подход. Поэтому Кляйн все более и более ощущала себя в изоляции, находясь в Берлине. С другой стороны, Англия была более независима от Вены, и там во всяком случае уже проявляли интерес к ее работе. Джонс и другие специалисты изучали раннее развитие ребенка и первичную психическую жизнь, а Аликс Стрэчи, который встречался с Кляйн в Берлине (Meisel and Kendrick, 1986), способствовал тому, чтобы она прочитала лекции в Лондоне в 1925 году; они нашли там горячий прием, что привело ее к решению поселиться в Лондоне.

Кляйн писала о том времени:

В 1925 году мне представилась замечательная возможность говорить перед заинтересованной и благодарной аудиторией в Лондоне. Все члены присутствовали в доме д-ра Стивена... Три недели, проведенные в Лондоне, были одним из самых счастливых периодов моей жизни. Я встретила столько дружелюбия, гостеприимства и интереса и очень полюбила англичан. Это правда, что потом не всегда все складывалось так удачно, но эти три недели были очень важны для моего решения жить в Англии.

(Grosskurth, 1986, p. 157)

Она быстро вошла в Британское общество и продолжила работу над своими идеями о ранней психической жизни, уделяя особое внимание работе с детьми. Вначале она во многом разделяла взгляды Фрейда и Абрахама (см. главу 1), но к середине 1930-х годов начала развивать собственные уникальные идеи. Вполне радикальные, содержащие вызов, эти идеи неизменно вызывали разногласия в Британском обществе, что усилилось с приездом венских аналитиков, особенно Анны Фрейд с отцом, бежавших, как и другие, от нацистского преследования. (Информацию о полемике Фрейд – Кляйн в 1941–1945 гг. см.: King and Steiner, 1990.)

Несмотря на разногласия, Британское общество сохранило единство, и Кляйн продолжала развивать свои идеи и разрабатывать теоретические положения до конца жизни. Ее работа о зависти была опубликована, когда ей было далеко за 70. Она умерла в 1960 году, в один из дней, когда читала заключительную корректуру своей последней работы об анализе ребенка «Ричарда», названной «Рассказ о детском анализе» (1960).

Главная особенность сделанного Кляйн вклада в психоанализ в том, что с самого начала это было изучение и лечение детей. Она разработала игровую технику (Klein, 1955), которая открыла новый мир эмпатийного понимания чувств и фантазий маленьких детей. Вначале Кляйн была потрясена тем, что некоторые фантазии этих детей содержали агрессивность и насилие, так же как предыдущее поколение было шокировано тем, что Фрейд обнаружил детскую сексуальность. Поддержка Абрахама, открытия и разработки концепций Фрейда, особенно, возможно, «Я и Оно» (Freud, 1923a), способствовали тому, что она вскоре уверенно сделала открытие: даже у очень маленьких детей имеется раннее и очень суровое Супер-Эго, являющееся, по ее мнению, результатом проекции их собственных жестоких импульсов в мать и отца, в «первичные объекты» (Klein, 1927, 1928). Все большее внимание она уделяла роли интроекции и проекции в психическом развитии и разработала новые взгляды на процесс формирования символа и на то, как тревога может тормозить этот процесс (Klein, 1930).

Первая глава данной книги, «Детский анализ и понятие бессознательной фантазии», написанная Патрисией Дэниэл, начинается с краткого рассмотрения техники детского анализа Кляйн и того, каким образом этот новый метод давал ей возможность опираться на работы

Фрейда и других аналитиков, в особенности Абрахама. Пристальное внимание уделено идеям интроекции и развитию понятия внутреннего мира, создаваемого процессами проекции и интроекции. Дэниэл описывает, каким образом Кляйн связывает это с первичными оральными и анальными фантазиями о материнском теле, и подходит к подробному рассмотрению бессознательной фантазии и символизма, лежащих в основе всех последующих процессов развития, таких как эдипов комплекс (см. главу 3). Дэниэл иллюстрирует эти идеи клиническими примерами как из работ Кляйн, так и из собственной практики, используя в основном материал работы с детьми.

Кляйн считала, что ранние отношения с первичными объектами, сформированные проекцией и интроекцией, создают большую часть внутреннего мира индивида и что эти ранние отношения проявляются во всех других отношениях с людьми, особенно с аналитиком:

Временами отношение к психоаналитику даже у взрослых отмечено чертами, присущими детям, такими как чрезмерная зависимость и потребность в руководстве и одновременно абсолютно иррациональное недоверие. Делать выводы о прошлом на основании этих манифестаций есть одна из составляющих психоаналитической техники.

(Klein, 1959, p. 243)

Во второй главе, «Возникновение ранних объектных отношений в психоаналитическом сеттинге», Ирма Бренман Пик показывает, как в различных аналитических ситуациях появляются ранние объектные отношения, порой скрытые и едва уловимые, порой напоминающие взрыв. Она исследует, как пациенты относятся к своим объектам, то отстраняясь от них, стараясь защитить себя, то открыто встречаясь с ними. Она обсуждает, каким образом особенность восприятия пациентом аналитика способствует пониманию аналитиком объектных отношений пациента. Главным для нее становится вопрос: «Кем является аналитик для пациента в тот или иной конкретный момент?». Примеры из ее практики – случаи детей и взрослых – охватывают весь диапазон нарушений: от бессловесного, умственно отсталого аутичного ребенка до взрослых пациентов, во многом успешных, но в тонкостях отношений к аналитику отчетливо обнаруживающих свои первичные объектные отношения.

Выраженное новаторство ранней работы Кляйн заключалось в том, что ее игровая техника с детьми открывала новые виды материала; было очевидно, что она развивает собственные идеи, такие как более раннее датирование Супер-Эго и эдипова комплекса, но в период с 1919 по 1935 год ее базовая теория, модель психики и психического развития, по сути, были близки теориям Фрейда и Абрахама. В частности, она следовала представлению Абрахама о фазах либидо (Abraham, 1924). Однако в 1935 году она опубликовала статью под названием «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний», показавшую, что ее идеи содержат новый элемент теории. В этой статье она выдвинула следующую идею: младенец проходит через процесс понимания того, что объекты, которые он любит, и объекты, которые ненавидит, в действительности – один и тот же человек; частичные объекты признаются целыми (не только грудь, но вся мать); младенец осознает свое беспокойство за объект, чувствует вину за психические атаки на свой объект и страстно желает исправить причиненный вред. Тревогу, связанную с повреждением и потерей, Кляйн назвала «депрессивной тревогой» и в общих чертах наметила специфические защиты от этой тревоги. Кляйн полагала, что совокупность таких тревог, защит и объектных отношений возникает во второй четверти первого года жизни; она назвала этот процесс «депрессивной позицией», а не депрессивной фазой, для того чтобы подчеркнуть то, в чем была убеждена: индивид не просто проходит через эту фазу и оставляет ее позади как точку фиксации – на протяжении всей жизни осуществляется постоянное колебание то в сторону тревог и защит депрессивной позиции, то в противоположную от них сторону (Klein, 1935, 1940). С течением времени последователи Кляйн смогли использовать ее понятие депрессивной позиции в полном объеме, хотя они меньше, чем Кляйн, озабочены установлением точного момента возникновения ее во младенчестве.

В главе 3, «Эдипова ситуация и депрессивная позиция», Ро-налд Бриттон берет фрейдский «ядерный комплекс» – эдипов комплекс – и показывает, как Кляйн связывает его со своим понятием депрессивной позиции, которое порой считается ее наиболее значительным вкладом в психоанализ. Затем он описывает историю и развитие депрессивной позиции и эдипова комплекса и показывает их абсолютную зависимость друг от друга. Способность отказаться от единоличного обладания одним из родителей и признание реальности родительской пары, другими словами, предпосылка для переработки эдипова комплекса зависит от достижения задач депрессивной позиции, а именно принятия отдельного существования объекта и последующих чувств зависти и ревности, в которые это принятие повергает. Принятие отдельности объекта подразумевает принятие реальности других отношений объекта, в особенности отношений между родителями. Бриттон обсуждает защиты от этого принятия. Он приводит ряд подробных клинических примеров из своей работы со взрослыми и детьми.

После бури, которую вызвала концепция депрессивной позиции, и дискуссии по противоречиям, имевшей место в начале 1940-х годов, Кляйн в статье 1946 года «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» представила еще одну совершенно новую идею. В этой статье она описывает «параноидно-шизоидную позицию», отличающуюся тревогами преследования, связанными с угрозой для индивида (в отличие от характерной для депрессивной позиции тревоги, связанной с угрозой для объекта). Она описывает типичные для параноидно-шизоидной позиции защиты, особенно расщепление объекта на хороший и плохой и соответствующее ему расщепление Эго на хорошее и плохое; они сопровождаются фантазиями, вызванными проекцией в объект частей Эго (и/или частей внутренних объектов); этим вызванным проекцией фантазиям сопутствует идентификация внешнего объекта со спроецированными в него частями Эго или внутреннего объекта (проективная идентификация); она пишет и о других защитах: всемогуществе, идеализации и отрицании. Она подчеркивает также, что фантазии, вызванные проекциями и интроекциями, с самого начала жизни воздействуют друг на друга и создают внутренний мир, в котором есть я и объект. И снова она не рассматривает параноидно-шизоидную позицию как фазу, хотя описывает ее как атрибут самого раннего младенчества. По ее мнению, на протяжении всей жизни происходит постоянное колебание между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями.

В главе 4, «Равновесие между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями», Джон Стайнер описывает обе эти позиции и различные защиты от тревоги, которые существуют в каждой из них. Затем он переходит к описанию равновесия между двумя позициями, делая акцент на том, что выбором термина «позиция» Кляйн отстраняется от понятий «стадия» или «фаза» Фрейда и Абрахама. Для обозначения динамической природы равновесия он использует химическую запись Биона $PS \leftrightarrow D^1$. Стайнер высказывает идею о том, что в каждой из позиций имеется дополнительное разделение. Параноидно-шизоидная позиция представляет собой континуум между нормальным расщеплением, необходимым для здорового развития, и патологической фрагментацией, ведущей к фомированию «странных объектов» (Bion, 1957), с чем связаны более серьезные нарушения в дальнейшей жизни. Внутри депрессивной позиции есть состояние, управляемое *страхом потери объекта*, которое может быть связано с отрицанием психической реальности, и состояние, при котором *возможно переживание потери объекта*, ведущее к обогащению личности. Эти состояния внутри депрессивной позиции тесно связаны с работой скорби, и Стайнер достаточно подробно, учитывая работы Фрейда и Кляйн, обсуждает скорбь и ее отношение к депрессивной позиции. Соответствующие клинические иллюстрации позволяют увидеть эти разные типы психической организации.

Как было сказано выше, Кляйн выдвинула идею проективной идентификации в ходе обсуждения параноидно-шизоидной позиции. Для нее эта идея не являлась особо важной, но

¹ PS (paranoid-schizoid) – параноидно-шизоидная; D – depressive – депрессивная. – Прим. пер.

о ней было сказано и написано больше, чем о любом другом понятии, предложенном ею. В главе 5, «Клинические проявления проективной идентификации», Элизабет Ботт Спиллиус описывает понятие проективной идентификации Кляйн и то, как оно развивалось и совершенствовалось, особенно Бионом и Джозеф. При этом она говорит о трех вариантах использования идеи проективной идентификации кляйнианскими (и другими) аналитиками, особенно в Британии. В первоначальной трактовке Кляйн акцент делался на том, что проективная идентификация является бессознательной фантазией, влияющей на то, как пациент воспринимает аналитика. Блон, помимо этого, обращает внимание на то, каким образом действия пациента могут иногда заставить аналитика испытывать те чувства, которые пациент часто бессознательно ждет от него. Джозеф, расширяя бионовский подход, исследует, каким образом пациент постоянно, хотя бессознательно, «подталкивает» аналитика к импульсивным действиям, соответствующим внутренней ситуации пациента. Спиллиус делает акцент на том, что в центре внимания этих более поздних разработок находится постоянное, непрекращающееся взаимодействие между пациентом и аналитиком.

Она отмечает также, что видит мало клинической пользы от попыток объявить какую-то из моделей «правильной», более того, от попыток провести различия между проекцией и проективной идентификацией; она считает, что все три модели являются надежным способом понимания клинического материала и что все три могут использоваться одним и тем же аналитиком в разное время, иногда в одной и той же сессии.

Предмет обсуждения Майкла Фельдмана в главе 6, «Расщепление и проективная идентификация», в значительной мере совпадает с таковым в главе 5. (Эти лекции были прочитаны в разные дни.) Фельдман рассматривает кляйнианскую теорию проективной идентификации и раннего расщепления, делая особый акцент на сопровождающем эти процессы расщеплении Эго, а также на расщеплении и проецировании внутренних объектов. Проецируются не только свои плохие части. Я может избавляться от хороших частей, но в случае чрезмерности этого процесса может возникнуть сверхзависимость от внешнего объекта. Чтобы объяснить процесс проективной идентификации, Фельдман дает подробные клинические примеры и описывает фрагменты анализа трех пациентов. В первом показано, как пациент поспешно проецирует в аналитика спутанную и униженную часть себя; в данном случае пациент в ответ на интерпретацию смог вновь обрести эту часть. Второй пациент обнаруживает другую важную и относительно недавно описанную сторону проективной идентификации – провоцирование аналитика на воспроизведение ранних объектных отношений; но не повторение этих отношений, а их интерпретация дает возможность изменить первоначальное состояние. В третьем случае аналитика, как бы он ни поступал, принуждали к действию. Таким образом, Фельдман показывает, как теория проективной идентификации Мелани Кляйн, особенно в модификации Блона, Розенфельда и Джозеф, сегодня широко используется в клинической работе.

Эти шесть глав убедительно показывают, что последователи Кляйн, особенно Сигал, Блон, Розенфельд и Джозеф, развили и в некоторых случаях видоизменили первоначальные формулировки Кляйн, но что эти формулировки остаются для них основным источником вдохновения (Spillius, 1988).

Последней значительной работой Кляйн, снова вызвавшей серьезные разногласия, была книга 1957 года «Зависть и благодарность», которую высоко оценили ее последователи, особенно Блон, чья работа является предметом обсуждения последних трех глав этой книги.

До сих пор нет полной биографии и/или обзора творчества Блона. Его автобиография «Долгие выходные» (1985) является в высшей степени уникальным повествованием о его ранней жизни, школьных годах и травматическом и героическом опыте командира танка во время Первой мировой войны.

Частичные описания его работы есть у Мельтцера (1978), Гринберга и др. (1975), Вильямса (1983) и Гротштейна (1981б).

Бион родился в 1897 году в индийском городе Муттра, где его отец был инженером и управляющим. Индия произвела на него неизгладимое впечатление, и среди произведений, на которые он часто ссылался в своей работе, была «Бхагавадгита». В возрасте 8 лет его разлучили с семьей, отправив в Англию учиться в школе, что было печальным обычаем того времени. Во время Первой мировой войны Бион вступил в Королевский танковый корпус и был участником многих военных действий, получил две высокие награды за храбрость, хотя потом в книге «Воспоминание о будущем» (1975) он поясняет, что то, что происходит в хаосе и ужасе войны, очень спутанно и непонятно, а впоследствии переиначивается и искажается в попытке найти смысл там, где его нет. Очевидно, что эти впечатления оказали сильное влияние на него, и можно наблюдать, как они постоянно отражаются в его психоаналитических произведениях, особенно касающихся психотических состояний. Бион поступил в Оксфорд, где проявил себя отличным спортсменом и защитил диплом по современной истории. После недолгого периода преподавания, уже интересуясь психоанализом, он поступил в больницу при университетском колледже в Лондоне и стал изучать медицину, чтобы профессионально заниматься психоанализом. Одно время Бион работал у Уилфреда Троттера – хирурга, проявляющего глубокий интерес к психологии, известного благодаря книге о группах «Инстинкты толпы во время мира и войны», на которую Бион опирался при написании своей книги о группах.

Получив квалификацию, Бион стал заниматься психиатрией и уже вскоре работал в Тавистокской клинике, начав анализ у Джона Рикмана. Его психоаналитическое обучение было прервано Второй мировой войной, во время которой он активно применял и развивал свои идеи об использовании групп в лечении психологических травм и при отборе офицерского состава, и эта ранняя работа с группами стала темой его первой статьи (Bion, 1943). После войны он завершил свое психоаналитическое обучение в анализе с Мелани

Кляйн, который оказал сильное влияние на его развитие в качестве аналитика.

В начале 1950-х годов работа с группами, которой он преимущественно занимался во время войны и в Тавистокской клинике (Bion, 1961), уступила место исключительно психоаналитическим исследованиям. Под влиянием статьи Мелани Кляйн «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946) Бион, наряду с другими кляйнианскими аналитиками того времени, в особенности Гербертом Розенфельдом и Ханной Сигал, анализировал многих психотических и пограничных пациентов. Эта работа послужила основой для некоторых важных статей, особенно таких как «Отличие психотических личностей от непсихотических» (1957), «О высокомерии» (1958), «Нападение на связь» (1959) и «Теория мышления» (1962a). Бионовские идеи психоза трудно отнести к какой-либо из психоаналитических классификаций теории психоза; одна из них известна как теория «защит» и теория «дефицита» и подробно описана Лондоном (1973) как «унитарная» (см.: Arlow and Brenner, 1969); а другая – как «специфическая» теория (Katan, 1979; Frosch, 1983; Yorke, Wieseberg and Freeman, 1989; Grotstein, 1977). Подобно «унитарным» теоретикам, Бион пытается разработать общую модель мышления, охватывающую как невроз, так и психоз; но он подчеркивает также, что индивиды, которые, в силу конституциональных особенностей или особенностей окружения, перманентно не способны переносить фрустрацию, которые эвакуируют фрустрацию и плохие переживания (что приводит к невозможности развить элементарные мыслительные способности), оказываются в силу этого в психическом состоянии, подобном тому, что приверженцы «специфической» школы описывают как базовое нарушение психической репрезентации.

В 1950-е и 1960-е годы Бион был известным членом Британского психоаналитического общества, а с 1962 по 1965 его президентом. В 1960-е он обобщил большую часть своей предыдущей работы, начав с книги «Обучение на опыте» (1962b), за которой последовали «Элементы психоанализа» (1963), «Трансформации» (1965) и «Внимание и интерпретация»

(1970); все эти книги развивали идеи, выдвинутые в работе «Теория мышления». В 1968 году Бион отошел от активной деятельности в Британском обществе и переехал в Лос-Андже-

лес, где продолжал писать, практиковать, обучать и развивать идеи вплоть до возвращения в Англию незадолго до своей внезапной болезни и смерти в конце 1979 года.

Работа Биона оказала серьезное влияние на клиническую практику всех кляйнианских психоаналитиков Британского психоаналитического общества, а также на многих из тех, кто является членом Независимой группы и Современной фрейдовской группы. Многие аналитики, которые не очень хорошо знакомы с работой Биона, тем не менее используют его идеи, как используют в своей практике идеи Кляйн. Тем, кто не воспитан в этой аналитической традиции, часто трудно полностью понять то, о чем пишет Блон, и немаловажную роль играет здесь то, что он пытается писать о таких эмоциональных состояниях, которые трудно поддаются словесному описанию.

На значительную часть описанной в данной книге клинической работы, как и на некоторые идеи в главах по Кляйн, оказал влияние Блон. Так, использование записи $PS \leftrightarrow D$ и того, что она выражает динамический характер отношений между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями, описанный Стайнером в главе 4, является результатом развития Бионом идей Кляйн. Описание Спиллиус произошедших со времен Кляйн изменений в использовании термина «проективная идентификация» и того, как часто при этом учитывается контрперенос, проистекает из бионовского понятия «контейнера» и «контейнируемого» (Blon, 1962b), подробно обсуждаемого Бриттоном в главе 8. В задачи трех следующих глав, посвященных Биону, не входит «охватить» всего Биона; они, скорее, помогают читателям увидеть, как британские аналитики кляйнианского направления стараются клинически использовать его идеи.

Как было сказано выше, на ранних этапах психоаналитического формирования Блон работал с пограничными и психотическими пациентами, и именно в этот период были намечены его идеи о природе психотической личности, особенно в статье «Отличие психотических личностей от непсихотических». В главе 7, «Психоз: безмыслие странного мира», Эдна О'Шонесси пишет об этом и показывает, как фрейдовская идея «принципа удовольствия» используется в структуре объектных отношений. Человек, стремящийся защититься от боли и фрустрации, мобилизует фантазию, согласно которой не только неприятные переживания проецируются в объект – он полагает, что избавляется и от той части психики, которая может регистрировать эти переживания. Если продолжать обращаться с переживаниями подобным образом, то психика не сможет создать аппарат – Эго, способный делать что-либо, кроме как избавлять себя от неприятных переживаний, и следствием этого становится потеря ощущения реальности; такое непрерывное проецирование плохих чувств ведет к созданию психического мира пугающих преследующих объектов, и тогда Я предпринимает все более и более решительные меры для того, чтоб защититься от них. Эдна О'Шонесси пишет, что Блон обращал особое внимание на существование фундаментального различия между представлением о мире у психотической и непсихотической личности либо у психотической и непсихотической части личности, а именно: психотическое функционирование находится во власти процессов фрагментации и изгнания *средств* познания реальности – чувств, сознания, мышления, то есть именно того, что защищает психику от психоза. Она говорит о предпосылках – конституциональных и созданных окружением, которые, как считал Блон, неотвратимо приводят к развитию психоза, и подчеркивает, что даже лучшие из матерей, несмотря на то, что облегчают состояние, могут одновременно провоцировать зависть своей способностью устоять и таким образом все равно вести к измененным и нарушенным отношениям. Вероятно, психотик воспринимает первичный объект совсем не как кормящий; для него это особого рода грудь – жадная, похожая на влагалище, которая лишает взаимодействие смысла. Поэтому очевидно, что лечение психотических пациентов – это огромная и трудная работа, но О'Шонесси подчеркивает мнение Биона, что, если такие пациенты находятся в терапии или в анализе, они поддаются лечению, несмотря на то, что объективно во многом отличаются от невротических пациентов. Анализ представляет собой колебательные движения то в сторону аномальной депрессивной позиции,

то в сторону аномальной параноидно-шизоидной позиции, но при этом идет постепенное развитие способности к более гуманистическому контакту с объектом. О'Шонесси иллюстрирует это материалом двух пациентов с преобладанием психотических частей личности.

Изгнание средств познания реальности заметно контрастирует с другим стремлением, возникающим, как считает Блон, очень рано, со стремлением не только любить (L)* или ненавидеть (H)† объект, но также *знать* его и *быть познанным* им (K)‡. Именно это базисное человеческое стремление знать и стремление к тому, чтобы знали тебя, ведет к попыткам переносить фрустрацию. Такая толерантность ведет к тому, чтобы *не* использовать проективную идентификацию для избавления от фрустрации, а напротив, к тому, чтобы *выдерживать состояние «без груди»* – как Блон часто называет его, и это состояние является зачаточным «мышлением».

* L (love) – любовь.

† H (hate) – ненависть.

‡ K (knowledge) – познание.

В главе 8, «Удержать в голове», Бриттон показывает, что, согласно бионовской модели мышления, способность выдержать отсутствующий объект, выдержать «без груди» может возникнуть лишь, если младенец в самом начале ощущает (и может выдерживать это ощущение), что объект способен позволить проекцию; то есть объект, который можно ненавидеть или как угодно провоцировать и который может достаточно долго выдерживать это и быть в состоянии ответить таким образом, чтобы у младенца появилось ощущение, что какие-то его плохие, спроецированные чувства были смягчены матерью. Если мать может дать это и если младенец способен почувствовать, что подобный опыт «контейнирует» его, он со временем сможет интроецировать эту функцию, равно как и специфический материнский ответ. Именно это Блон называет «альфа-функцией» – основной составляющей зачаточного мышления. Бриттон отчетливо иллюстрирует, что происходит, когда в младенчестве нет такого объекта.

Идеи Блона о контейнировании и отсутствии контейнирования способствуют большему пониманию аналитиком того, что происходит на аналитической сессии, поскольку эти идеи позволяют рассматривать проективную идентификацию как примитивный, но вполне нормальный способ общения между младенцем и матерью, а в анализе между анализандом и аналитиком. В конце Бриттон рассматривает мнение Блона о том, к чему может приводить неудачное контейнирование. Подобно О'Шонесси, Бриттон отмечает, что Блон придавал значение как генотипу, так и окружению. Что касается психотических пациентов, то здесь, он считает, почти наверняка конституциональный фактор проявляется в виде зависти к контейнирующим функциям матери, и заключает, что во многих случаях у младенца был невосприимчивый объект, неспособный чувствовать его проекции. Бриттон делится также собственными идеями относительно влияния отца на то, будет ли ситуация развиваться во благо или во вред.

Идея о том, что желание «знать» свой объект является базовым импульсом, рассматривается далее Рут Ризенберг Малколм в главе 9, «„Как будто“: феномен незнания», в центре внимания которой находятся представления Блона о мышлении и познании. Блон говорит о знании (K) как об определяющей связи между Я и объектом; и так же, как завистливое отношение к объекту может поменять связь любовью на связь ненавистью, завистливое отношение к объекту, касающееся *знания*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.